

Обычные люди

Автор:

Евгения Овчинникова

Обычные люди

Евгения С. Овчинникова

Иди и возвращайся #3

Казалось, что все позади: погони, слежка, испытания. Даже неуверенность в себе осталась в прошлом. Нина теперь – студентка колледжа искусств в Сан-Франциско, преуспевающая художница, гордость не менее успешных родителей. Вот-вот откроется ее персональная выставка под названием «Эволюция»: от совсем детских рисунков, где Нина изображала чудовищ, до последних работ – сильных, уверенных, взрослых.

Хорошая жизнь обычных людей.

Только вот двое неизвестных в разных частях света – в США и в России – не считают, что история закончена: тех, кто связан с Ниной одной тайной, похищают одного за другим. А значит – героине предстоит вновь столкнуться со своими чудовищами.

Заключительная часть детективно-психологической трилогии «Иди и возвращайся» Евгении Овчинниковой, трижды финалистки премии «Книгуру», ставит повзрослевшую героиню перед еще более опасным, чем в предыдущих повестях, квестом. Стремительный сюжет, точность в описании характеров персонажей и тонкая игра с читательскими ожиданиями – вот чем полюбилась читателям история Нины.

Евгения Овчинникова

Обычные люди

© Овчинникова Е. С., текст, 2021

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2021

* * *

Несколько слов о книге

«Обычные люди» – заключительная часть трилогии петербургской писательницы Евгении Овчинниковой. Первая часть истории под названием «Иди и возвращайся», рассказывает о том, как 14-летняя Нина решает возобновить поиски исчезнувшей несколько лет назад мамы. Девочка видит мир по-особенному, и переносит эти необычные образы на бумагу: рисунки Нины изображают прохожих в виде доисторических существ.

Во второй части, «Магии Зеро», семья скрывается от преследования на Сицилии. Переезд меняет Нину: рисование в прошлом, лучшие друзья чересчур далеко. Ее мучит незавершенная история из прошлой жизни – история, связанная с родителями. Нина талантлива, тонко чувствует, но ее неуверенность в себе мешает реализоваться в полной мере.

В заключительной части трилогии, «Обычных людях», читатели окажутся в США, где познакомятся с повзрослевшей успешной Ниной, преодолевшей свои комплексы – но расследование не окончено, а значит, о спокойной жизни можно только мечтать.

«Обычные люди» позволяют увидеть весь масштаб авторского замысла. От личной драмы, поисков пропавшей мамы в первой части трилогии – до секретного международного проекта в последней, от полудетских рисунков – до персональной выставки... Трилогия «Иди и возвращайся» раскрывается постепенно, меняя представления читателя и о жанре подросткового детектива

(здесь он включает и наполненную тонким психологизмом историю взросления, и триллер с погонями, похищениями, международными скандалами, и даже фантастическое допущение в виде проекта, связанного с прогрессивной наукой), и о взаимоотношениях героев.

Расследование преступления здесь уходит на второй план, важным становятся поиски себя и своего места в жизни, а еще – взаимоотношения с семьей. Реалистичная, психологически выверенная трилогия увлечет читателей среднего и старшего школьного возраста, а удивительная многоплановость повествования гарантирует, что книги понравятся не только любителям детективов.

Евгения Овчинникова (родилась в 1983 году) дебютировала в издательстве «КомпасГид» с повестью в рассказах «Мортал комбат и другие девяностые», смешных и мудрых историй, напоминающих одновременно байки и притчи – и с первой же книгой заявила о себе как об авторе, способном писать многослойные тексты для подростков и взрослых.

Из будущего

– Вставай, – сказал грубый голос по-английски, и меня сильно тряхнули за плечо. – Вставай.

Я села и оглянулась. У кровати стоял один из безликих агентов с пляжа Майами. На нем был полиэтиленовый дождевик, словно он с ног до головы облачился в пакет.

– Дождь пошел, да? – спросила я его.

Ответа не было.

В каюте напротив завизжала Мира. Второй Смит неделикатно тащил ее за руку из постели, она упиралась и била его кулаком. На нем тоже был дождевик, который шуршал от каждого ее удара.

– Когда вы от нас отстанете? – спросила я, но мне снова не ответили, зато схватили и потащили. Я сопротивлялась, но понимала, что на этот раз мы не отобьемся, не сбежим, потому что бежать с «Королевы тунцов» некуда.

Нас вывели на палубу в зазоре между гостиной и гостевыми спальнями. Темная ночь дунула холодным соленым ветром. Яхта ухнула вниз, мы едва не упали, и в свете качнувшегося подвесного фонаря я увидела, что у лестницы в гостиную лежит папа. Когда мы шли мимо, он поднялся и бросился на моего Смита, и одновременно я вывернулась и вцепилась зубами в державшую меня руку. Похититель оскалился и заорал. Но папа не успел помочь мне – из ниоткуда появился третий человек без лица и оттянул его за шиворот. Я брыкалась, и агенту пришлось остановиться, чтобы перехватить меня крепче. Пока мы толкались, папа вырвался, и в болтающемся световом пятне я увидела у него в руке маленький нож. Он размахивал им перед носом третьего похитителя, а тот уворачивался.

– Папа! – крикнула я.

Он с удвоенной силой стал размахивать ножом. С противоположного борта завопила Мира.

Третий безликий, явно тренированный в ближнем бою, заломил папину руку с ножом и ударил его кулаком в грудь. Папа мешком свалился на палубу и замер. Его соперник пнул в сторону ножик, и тот соскользнул с палубы в море. Я все еще сопротивлялась: визжала, кусалась и царапалась, и на подмогу моему Смигу пришел третий похититель. Он перехватил меня за шею и за плечо с другой стороны.

Позади раздался шум. Мы все оглянулись – папа поднялся и снова налетел на похитителя, нелепо размахивая руками и ногами. Его нос и кулаки были разбиты. Фонарь качался туда-сюда в такт с палубой.

«Человек-картошка наносит последний удар», – промелькнуло у меня в голове перед тем, как произошло ужасное. Один из агентов достал пистолет и выстрелил. Папа сделал несколько шагов ко мне, протягивая руку, а потом упал и замер на палубе.

Глава 1,

в которой появляется Хранитель

Одним апрельским вечером, в час, когда на улице уже было сумрачно, но фонари еще не зажгли, по Каменноостровскому проспекту в Санкт-Петербурге шел человек. Он опирался на трость, потому что прихрамывал на правую ногу, и ковылял медленно, то и дело поднимая голову, сверяясь с номерами на домах. Издалека могло показаться, что это старик, но, присмотревшись, вы бы заметили его живые глаза и энергичные жесты. А приглядевшись еще внимательнее, можно было сделать вывод, что на самом деле ему лет шестьдесят или немного больше. Седина слегка тронула его виски, а жесткие черные волосы лежали неподвижно, несмотря на гулявший по проспекту ветер.

Ветер нес песочную пыль, она досталась городу в наследство от зимы, от долгой снежной зимы с морозами за тридцать и обильным снегом, который коммунальные службы щедро посыпали песком. И вот снег растаял, а песок остался. Ветер поднимал его, кружил в арках, осыпал им людей и машины. Старик то и дело останавливался, чтобы вытереть набегавшие из-за песка слезы или сплюнуть скрипевшую на зубах пыль. Он негромко бормотал под нос что-то о песке и безобразии, и еще, кажется, о том, что власти совершенно испортили город. Впрочем, было понятно, чем он на самом деле недоволен. Идти ему с каждым шагом, видимо, становилось все труднее: он морщился и когда ступал на здоровую ногу, и когда опирался на трость. Казалось, что в его теле все отзывается болью на неторопливую ходьбу.

Мужчина повернул на Большой проспект, а с него – на Ординарную улицу. Потом остановился, достал носовой платок, да-да, не одноразовую салфетку, а самый настоящий носовой платок – хлопковый, синий с коричневой каемкой, потрепанный и не слишком чистый. Он тщательно протер им глаза, потом высморкался и спрятал платок в карман.

Он стоял на тихой улочке, совершенно типичной для центра Петербурга. По обе стороны – четырех- и пятиэтажные дома стеной. Сначала они кажутся единым целым, но скоро замечаешь, что все они неодинаковой высоты, разного цвета. Некоторые из домов украшала лепнина, но большинство были ею обделены. В домах поскромнее двери жались к аркам, словно не хотели быть замеченными: некрасивые, крашенные коричневой краской для пола, с наляпанными поверх

объявлениями: «Требуется горничная», «Продам дачу на заливе», «Компьютерная помощь. Владислав». В других домах – двустворчатые двери, самые настоящие парадные, распахивали объятия навстречу гостю. Сквозь стекло виднелись широкие лестницы и лепнина на стенах и потолке. На парадных не висели объявления – то ли их отсюда сразу убирали, то ли расклейщики не решались портить красоту. Здесь, вдалеке от сутолоки Каменноостровского проспекта, была видна и слышна жизнь этих домов.

Мужчина снова захромал вдоль Ординарной улицы, слушая разговоры из офисов на первом этаже, звон кастрюль и шум телевизоров из квартир. Он на мину ту остановился у салона красоты. За витринным стеклом, протянув руку маникюрше, сидела молодая женщина, похожая на его дочь. Женщина и мастер увлеченно болтали и смеялись, не замечая, как их разглядывают с улицы. Старик оторвался от окна и пошел дальше. Впереди между домами показался просвет – огороженная детская площадка, над которой нависали три тополя. Узловатые ветви деревьев сплетались друг с другом и надежно укрывали площадку. Наверное, летом эта зеленая крыша отлично защищает от дождя, подумал старик.

В ту же секунду дверь в здании за тополями распахнулась, и оттуда вылетели дети. С криком и визгом они ворвались на площадку и заняли ее всю: песочницу, горку, машинки-качалки, автобус в форме медведя. От мельтешения разноцветных курток казалось, что детей никак не меньше пятидесяти, хотя их было пятнадцать. Следом за ними вышла воспитательница. В двух сумках она принесла скакалки, ведерки, формочки для песка, машинки и другие игрушки, порядком потертые, годные только для игры на улице.

Старик смотрел на детей, тяжело опираясь на трость, но голос воспитательницы вывел его из задумчивости:

– Дети! Дети, давайте играть в догонялки!

– Да! Да! Давайте! – дружно закричали дети и бросились к воспитательнице, и она стала проговаривать считалку, легонько ударяя каждого по шапке.

«Ах да. Дети. Дети», – вспомнил старик и пошел прямо. Он кинул взгляд на номер дома на углу. Но это был не тот, что нужно.

Старик шел все медленнее, рука с тростью тряслась, лицо побледнело, на лбу выступил пот. Он уже не отирал его, а позволял капать на куртку.

На небо набежали черные облака, стемнело, но фонари все еще не зажигались. Ветер дунул вдоль улицы и затих – то ли готовился дуть сильнее, то ли улетел к Неве, чтобы там разыграться в полную силу. Различать номера домов стало сложнее. Старик нашел нужный, постоял несколько секунд, давая себе отдохнуть. Дом, выкрашенный в светло-зеленый цвет. Три этажа, две колонны. Дверь в парадную простая железная. Обычный доходный дом. Старик внимательно осмотрел фасад. Снаружи не было того, что он искал. Посередине дом прорезала арка. Старик вошел в нее.

Арка привела его в крошечный двор-колодец, и, когда глаза привыкли к темноте, он увидел обшарпанные стены, еще одну парадную в глубине двора и миски с молоком и кошачьим кормом у отдушины. Ни людей, ни машин. Стояла пугающая тишина. Старик беспомощно огляделся – у этого дома не было цокольного этажа. А достоверно старик знал только одно: то, что он ищет, то место, где их прячут, находится на цокольном этаже. Старик всхлипнул, но, совладав с собой, проковылял прочь из арки, вернулся обратно на Ординарную улицу, огляделся и прошел до следующего дома, пятиэтажного. В нем тоже была единственная арка, нырявшая во двор-колодец.

Старик с трудом дошел до железной калитки, останавливаясь через каждые два шага и тяжело дыша. Вход в арку пестрел табличками с названиями офисов: «Турфирма „Алиса“», «Стоматология „АльДенте“» и еще яркие таблички, некоторые на английском. Это был хороший знак. Много офисов, значит, скорее всего, цокольный этаж есть. От кнопок домофона тянулись полоски с названиями компаний и кодом. «Магазин для парикмахеров – 5В».

5В – первое, что бросилось ему в глаза, и он торопливо нажал на домофоне цифру и букву и прислонился к стене, ожидая ответа, – силы были уже на исходе.

Во рту появился знакомый привкус, предшествующий обмороку. Голова потяжелела, глаза закрывались сами собой. «Надо бы прилечь, чтобы не упасть и не удариться», – устало подумал старик, но продолжал стоять, прислонившись к стене и слушая звонок домофона, на который никто не отвечал. Он подергал калитку, но она была заперта. Звонок домофона оборвался. Мужчина посмотрел через прутья ворот во двор, но из-за темноты ничего не увидел.

В это время из колодца раздался звук хлопнувшей двери, потом – шаги. В арке показалась женщина, следом за ней шел молодой человек. Женщина нажала на кнопку в стене, расположенную так, чтобы нельзя было дотянуться до нее снаружи. Дверь запикала, и, когда женщина потянула ее на себя, старик наклонился вперед, к открывшемуся входу: надо было поскорее войти, потому что привкус во рту все усиливался, а голова с каждой секундой тяжелела и тошнота подкатывала нарастающими волнами.

Но женщина встала на пороге и не дала ему пройти.

– Вы к кому? – сурово спросила она, осматривая старика с головы до ног. Вывод она, похоже, сделала не в его пользу, потому что еще сильнее вцепилась в калитку, преграждая вход.

– Мне... надо... – прошептал он. Говорить сил уже не было. Только мысль: войти, проверить, здесь ли они.

– Если к кому-то, то пуцу, просто так – идите своей дорогой, – ответила женщина.

– Мария Васильевна, ну что вы, в самом деле, – вмешался молодой человек. – Пусть войдет.

Парень торопился, переминался с ноги на ногу и тянул калитку на себя, но Мария Васильевна не собиралась сдаваться просто так.

– Ходят и ходят. Из-за офисов этих – проходной двор! Я вчера в подвале бомжа нашла!

В глазах у старика посветлело: тут есть подвал!

– Мария Васильевна, он не бомж! Выпустите же, ну!

Парень с силой дернул калитку, подталкивая соседку к выходу. Она нехотя вышла, продолжая сверлить глазами старика, его трость и кожаную куртку. Ее спутник придержал калитку, и старик, забыв о привкусе во рту и грядущем обмороке, вошел внутрь, взглянув на парня с благодарностью. Молодой человек

бодро пошагал направо. Мария Васильевна постояла, подозрительно разглядывая чужака, но, убедившись, что он не собирается завалиться спать или, чего доброго, использовать двор в качестве туалета, тоже убралась по своим делам.

Этот двор был больше. Дверь в подвал старик отыскал почти сразу. Проржавевший искривленный козырек прикрывал пять ступеней вниз. Окна тускло светились. Дверь ниже человеческого роста тоже была проржавевшая, запертая снаружи на крошечный замочек. «Ничего, – подумал мужчина. – Зато есть окна». Он спустился на две ступеньки вниз и, вытянувшись, заглянул в ближнее окно. Трубы парового отопления, на которых греются кошки. Метлы, грабли и другие инструменты стоят в углу, рядом – перевернутая вверх дном тачка. Лампочка на проводе. Связки старых книг – на макулатуру. Рейки и доски. На вбитых в стену гвоздях – рабочие тужурки дворника. И почему-то посередине подвала стояла игрушечная розовая коляска – с такими ходит малышня на площадках. Старик устало присел на парапет, думая о коляске и о том, как она могла тут оказаться. Наверное, дворник приходит сюда с детьми. Хотя какая разница.

Дети не здесь. Уже в котором месте он находит только кошек и инструменты дворников. Тошнота и привкус во рту вернулись резко, в одну секунду. Он успел вытащить из кармана телефон, отыскать в списке сообщений контакт «Таня» и послать ей: «Они не здесь. Я снова ошибся». В ответ мгновенно прилетело: «ГДЕ ТЫ?!», а потом: «Мы обыскались!» После второго сообщения телефон зазвонил, на экране высветилось то же имя – «Таня», и старик попытался нажать на зеленую кнопку, но палец не слушался. Последнее, что он слышал перед обмороком, была развеселая песенка с птичьим пересвистом.

Его обнаружила лежащим на ступеньках подвала продавец из магазина для парикмахеров, куда он не дозвонился. Она и вызвала скорую. Мужчина открыл глаза, когда по стенам колодца забегали красные и синие переливы. Он видел, как над ним озабоченно склоняются люди в синей униформе, светят в глаза фонариком и спрашивают, как его зовут. Он все слышал, но не мог ответить. Он мог думать сейчас только об одном – что дети по-прежнему не найдены, что они где-то здесь, в одном из темных дворов-колодцев Петербурга, присыпанных прошлогодним песком, и никто не ищет их. И никто за ними не придет.

Глава 2,

в которой появляется некто в камуфляжных штанах

Утром того же дня на другой стороне земного шара, в Сан-Франциско, в месте, где Чайна-таун граничит с историческим центром, а в зданиях соседствуют офисы и квартиры, занятые китайскими семьями, веганские кафешки и пышущие жаром открытые кухни с подвешенными за шеи коричневыми копчеными утками, по одной из улочек, которые еще не центр, но уже не китайский квартал, шел молодой человек. Стройный и очень красивый, с тонкими, по-девчачьи нежными чертами лица. На нем была джинсовая куртка, обтягивающие камуфляжные штаны, а за плечами рюкзак, тяжелый, судя по тому, как натягивались его лямки и как молодой человек время от времени вскидывал рюкзак повыше. Он шагал легко, периодически сверяя свой маршрут с картой на телефоне, и иногда смотрел на номера домов, чтобы убедиться, что идет в правильном направлении.

Больше всего он был похож на бывалого туриста, вернее, на путешественника, из тех, которые никогда не живут на одном месте, а странствуют из страны в страну и из города в город, нигде надолго не задерживаясь. Такие люди знают, как быстро и дешево долететь из Киото в Нью-Йорк или из Лондона во Владивосток. Им известно, как прожить в мегаполисе неделю и потратить всего пятьсот долларов – это включая гостиницу, еду, транспорт, сотовую связь и открытки домой с фотографиями достопримечательностей. Такие туристы собирают впечатления, легко перемещаясь по земному шару и не чувствуя преград в виде виз, денег и бытовых проблем. Их заграничный паспорт пестрит штампами десятков стран, даже самых экзотических. Тут, конечно, могут быть и Турция, и Египет, и Таиланд, но эти путешественники далеки от отелей, где «все включено», пляжей, дискотек и прогулок на ко раб ликах с обедом, фольклорным представлением и рыбалкой.

Молодой человек не обращал внимания ни на уток, ни на витрины с органическими капкейками, ни даже на магазинчики с яркой дребеденью, которая выплескивалась на тротуар в коробках: фонарики, магниты, губки для мытья посуды, поддельные Барби, искусственные цветы. Он не обращал внимания на зазывал и, когда они пытались схватить его за рукав, ловко обходил их по проезжей части. Он был серьезен и сосредоточен. Только один раз остановился у ларька с сувенирами, несколько минут рассматривал открытки на

вертящемся барабане. Открытки были выцветшие от долгого пребывания на солнце, но продавец привлек внимание молодого человека несколькими словами на китайском и вытащил из-под прилавка пачку новых, ярких. Юноша коротко кивнул и, покрутив барабан, достал картинку: ночной Сан-Франциско, фото с вертолета. Показал ее продавцу, дождался, когда тот отыщет такую же открытку среди новых, и молча протянул ему долларовую монетку. Продавец взял монетку, положил ее в кожаную сумочку на животе и занялся своими делами. Покупатель несколько секунд постоял, ожидая сдачи, потому что на ценнике значилось «С50», но у продавца вдруг обнаружились безотлагательные дела в подсобке, и молодой человек, усмехнувшись, покинул лавку.

Наконец он нашел дом, который острым углом врезался в перекресток шести улиц, сверился с номером и с картой в телефоне и стал обходить здание по восточной стороне, всматриваясь в вывески. Офисы, маникюрные салоны и кафе. Наконец во множестве пестрящих вывесок, как бы стремящихся перекричать друг друга, он отыскал нужное название: «SunFr Center Hotel» – и, прежде чем позвонить, полюбовался треугольником пирамиды «Трансамерика».

Дверь щелкнула после первого же звонка. В крошечной прихожей стояла тумба, над ней висело зеркало. Молодой человек бросил взгляд в зеркало и затормозил перед ним, рассматривая едва заметную россыпь красных пятнышек на лбу. Гостиница была из тех, что застряли в пятидесятых: ковры на полу и лестницах, вдоль стен – обитые красным бархатом диваны с деревянными подлокотниками, так и манящие присесть. Медные шишки на перилах натерты до блеска, а сами перила и мебель – чистые, но не настолько, чтобы к ним было страшно прикоснуться, чтобы не испачкать. Здесь было приятно и уютно. И администраторы, две женщины лет пятидесяти, завитые и накрашенные так, как не завиваются и не красятся уже лет тридцать, были не слишком приветливы, даже не поздоровались сразу, но от них веяло благожелательностью и спокойствием: дескать, всему свое время. Они были заняты – та, что постарше, печатала на клавиатуре одним пальцем, другая, помоложе, с бантом на блузке, раскладывала письма и посылки в ячейки номеров. Потом, будто не замечая гостя, она разложила на краю стойки аккуратной горкой одноразовые гигиенические наборы в плотных матовых пакетах. Сквозь них просвечивали шампунь, кондиционер, зубная щетка и паста, бритва с двумя лезвиями и ребристой объемной ручкой. Лежало что-то еще, неразличимое. Одно разовый набор – лучше не придумаешь. Пока молодой человек разглядывал разложенное на стойке, женщина с бантом закончила дела и, обратившись к гостю, спросила, бронировал ли он номер. Гость ответил утвердительно. Тогда она попросила паспорт.

Молодой человек вынул из внутреннего кармана паспорт, бордовый, подходящий по цвету к коврам и диванам. На обложке было написано «Russian Federation».

Администратор открыла паспорт. Дойдя до страницы с фотографией, несколько секунд разглядывала ее. Подняла глаза на гостя, потом снова посмотрела в паспорт. Гость молчал. Он любил наблюдать за администраторами гостиниц, сотрудниками таможни, регистраторами в аэропортах в тот момент, когда они читали имя в паспорте.

– Mi-ro-sla-va U... u-sa... cst...

– Мирослава Усачева, – сказала Мирослава Усачева по-русски, откидывая челку с глаз.

Женщина с бантом произнесла «Wooh!» и вбила ее имя в компьютер, потом присмотрелась к дате рождения.

– А у вас есть...

– Есть. – Мира достала из того же кармана документ с печатями и отливающей радугой круглой наклейкой – мамино согласие на выезд за границу. В гостиницах не имели права спрашивать его, но она не хотела привлекать лишнее внимание отказом.

Администратор тщательно изучила листок и отдала обратно, поблагодарив. Мира свернула бумагу вчетверо, заметив, как потрепались места сгибов. Наверное, придется менять. Через год ей исполнится восемнадцать, тогда можно будет обходиться без всех этих бумаг, печатей и разрешений.

Менеджер положила на стойку перед Мирой медный ключ с прикрепленным брелоком – деревянной шахматной ладьей, на дне которой маркером был написан номер комнаты – 22. Потом шлепнула по стойке одноразовым набором и тапочками в индивидуальной упаковке:

– Добро пожаловать! Душ и туалет – у лифта на этаже.

– Скажите, от вас можно отправить открытку? – спросила Мира.

– В Россию?

– Да.

Администратор тренированным движением достала и положила перед гостьей три марки.

– Три с половиной доллара.

Девушка отсчитала монетки и высыпала их в протянутую ладонь. Ручкой, привязанной цепочкой к стойке, Мира написала адрес и несколько слов на обороте. Наклеила марки, вернула женщине за стойкой и, перекинув рюкзак на другое плечо, направилась к лифту.

Она поднялась на третий этаж на старом скрипящем лифте со складной дверью-сеткой, которую нужно было закрывать самостоятельно. Номер 22 был в самом конце коридора, в котором глушила шаги расстеленная на всю длину безупречная ковровая дорожка.

«Наверное, кучу времени тратят на чистку», – определила наметанным взглядом Мира. Двери в коридоре были добротные, деревянные, выкрашенные коричневой краской.

Номер был с белыми стенами и окном, выходящим в окно дома напротив – кажется, рукой можно дотянуться. Изголовье кровати упиралось в подоконник. Слева от двери – плоский шкаф, крошечный письменный стол и стул. «Как келья монаха», – отметила Мира. Без разочарования или какого-либо другого чувства. Просто факт, что вот так, келья.

Она достала из рюкзака тяжелый ноутбук и зарядку и поставила его заряжаться, а сама легла на кровать с телефоном. В соседних комнатах, сверху и снизу, кипела жизнь. Через картонные стены она слышала разговоры, пикивание телефона, щелчки клавиатуры.

– Уа-а-а-х-х-хг-г-р-р-р-р, – смачно зевал во всю глотку сосед слева.

Зевок слышался и через стену, и через окно. Он рикошетил от стены напротив и усиливался. Зевнули еще раз.

– Shut up, dude[1 - Заткнись, чувак (англ.)], – попросили зевающего из другого номера.

Мира улыбнулась. Ее лицо мгновенно смягчилось. Увидев ее улыбающейся, никто бы не заподозрил в ней мальчика. Она ответила на несколько сообщений в мессенджерах – они одни занимали на ее айфоне целый экран. Долго перелистывала переписку с человеком под ником NewLifeSeeker. Его последним сообщением была ссылка на точку на Google-карте. Мира нажала на нее, и мессенджер автоматически перебросил ее в приложение с картами. «Далековато от гостиницы, но дойду пешком», – сразу решила она.

«Приходите сюда через полчаса после открытия, – писал собеседник. – Вначале будет сутолока, а после можно будет спокойно поговорить. Это выставка дочери моих друзей, если вам так необходимо людное место и безопасность, хотя, ей-богу, не понимаю, чего вы опасаетесь». «Буду в 19:30», – ответила Мира, хотя в этой части света принято писать 7.30 p.m. Но ее собеседник тоже был русским, поэтому понял все без объяснений. Ее сообщение пометилось прочитанным, и больше он ничего не написал.

Откинувшись на подушку, Мира смотрела на трещину в потолке. Перелет был утомительным, 19 часов с двумя пересадками. Деньги были на исходе, поэтому она не могла себе позволить лишней чашки кофе в аэропортах. Глаза закрывались, но она пересилила себя. По ее правилам нельзя было засыпать, не приняв душ. Она сняла носки, взяла одноразовый набор и тапочки, перекинула через плечо лежавшее на кровати толстое полотенце и, пока шла босая по длинному коридору, с удовольствием потирала ступни о его шершавую мягкость. Душевая комната была идеально чистой. Девушка разорвала пакетик и, перебирая пальцами яркие карликовые упаковки, попробовала все, что было в наборе, – мыло, зубную пасту, шампунь и кондиционер для волос, даже выдавила на палец и понюхала крем для бритья.

После душа натягивать на себя грязную одежду не хотелось, поэтому она, обернувшись полотенцем, пробежала по коридору в соскальзывающих невесомых тапочках, никого не встретив по пути. В номере кинула в угол одежду, достала из рюкзака единственную чистую смену, но подумала и не стала одеваться, а легла на кровать и снова взяла телефон. На этот раз она

зашла в «Инстаграм», в аккаунт NinaMarkova.

«Вот, значит, как встретимся», – подумала Мира, листая фотографии.

На них была счастливая девушка, довольная собой, корчащая смешные рожицы в камеру. Через один шли скетчи. На взгляд Миры, картинки были хороши. Нарисованные тушью или простым карандашом, они жили своей жизнью. Люди на них смеялись, плакали, прятались от дождя. Их снова сменяли фотографии счастливой девушки. Мира листала ленту, и на некоторых фото, где владелица аккаунта не улыбалась, она увидела ее такой, какой Нина, должно быть, была в жизни: грустные глаза и немного настороженный взгляд, губы изогнуты полумесяцем рожками вниз. На картинках то здесь, то там мелькали чудовища, люди с головами динозавров. Никогда на переднем плане, всегда в углу рисунка или в отражении, спиной.

Мира перевернулась на бок и отключила телефон, вспоминая лицо матери, когда та сообщила всю правду. «Интересно, сказали Нине родители или нет?» – думала Мира, засыпая.

Тем временем администраторы заселили еще нескольких постояльцев, а нескольких выписали и рассчитали. Когда наступила короткая пауза, администраторша с бантом нашла открытку, которую попросила отправить девочка, похожая на мальчика. Перед тем как бросить ее в почтовый ящик, женщина мельком взглянула на обратную сторону. Адрес в Санкт-Петербурге. Причем страна и город написаны по-английски, а сам адрес – по-русски. Так пишут опытные путешественники. Если бы завитая администраторша знала русский, она смогла бы прочитать короткое послание: «Со мной все в порядке. М.»

Глава 3,

в которой появляется Нина

– Тынь-тырыдынь-дынь-дынь!

Обвешанный туристами экскурсионный трамвай катил в горку. Пассажиров было много, но старичок не замечал перегруза. Вряд ли старичок, конечно. Обивка – старая, деревянная, но под ней ходили новые стальные мускулы, они и двигали трамвай. Не транспорт, а туристический аттракцион. Он взобрался на холм и исчез за ним.

Я стояла через дорогу напротив выставочного зала, смотрела на подготовительную суету через гигантские окна. Папа просил не приходить заранее, хотел сделать сюрприз, взял почти всю организацию на себя. Говорил, что я достаточно поработала и заслужила пару дней отдыха.

«Today's opening: Nina's Evolution»[2 - Открытие сегодня: Эволюция Нины (англ.)], – написано мелом на доске-раскладушке у входа. И еще – на заключенных под стекло афишах по обеим сторонам от входа. Афиша на входе в галерею (видна через стеклянную дверь) размером больше. Название – имитация надписи тушью, по нему бегут помехи, как в ненастроенном телевизоре, а вокруг извивается кто-то оставшийся за пределами рисунка. Кто-то страшный, вот-вот сметет название. Но не сметает – время на рисунке остановилось. Организаторы попросили меня сделать главную афишу, хотя обычно этим занимаются дизайнеры. Я рисовала ее на графическом планшете. Его я освоила еще до колледжа, но, когда была не дома, рисовала по привычке карандашами на бумаге. На экране надпись выглядела компактной, стильной. А при увеличении, напечатанная на пластике, она ожила, затрепетала, и обвивающее ее чудовище тоже ожило и стискивало ее в объятиях.

С моего места начала экспозиции не было видно, но я знала, что там – мои детские карандашные наброски. На то и «Эволюция». Галеристы вцепились в моих монстров как клещи. Говорили, что монстров надо выносить в концепцию и что это очень «свежо» и «занятно», в общем, было много прилагательных и причастий, от которых я не смогла отбиться. Я сама начала верить, что мои чудовища – это «сила, льющаяся на зрителя». Темные твари заставляли зрителей изучать рисунки внимательнее. Даже там, где монстров не было, они задерживались дольше, изучая измененные пропорции, детали. Всем хотелось отыскать сбой на картинке.

– Это очень ново, очень перспективно, – говори ли галеристы. – Такая графика может хорошо продаваться.

И опять причастия и прилагательные. «Nina's Monsters»[З - «Нинины монстры» (англ.)] – такое название выставки они предложили.

- Важно не промахнуться с первым шагом, – убеждали они.

Название – единственное, что мне удалось отстоять.

- Мне больше не интересны монстры, – отвечала я на их аргументы.

После долгих споров галеристы согласились с «Эволюцией», и то только потому, что не хотели потерять клиента. Не меня, разумеется, – папу. А кто подумал, что я выставляюсь бесплатно в одной из модных галерей, тот очень наивен. Папа не сказал, во сколько ему обошлась аренда зала, но я знала, что он обратился к ним чуть ли не год назад, а за полгода до выставки мы начали обсуждать концепцию и принимать решения.

- Мы закольцуем выставку в хронологическом порядке. Сначала ваши первые работы, потом движемся к более поздним и заканчиваем взрывом ваших последних графических работ, как раз там, где начало. Понимаете?

Это были мои рисунки. Сделанные дома, в кафе, на коленке, в аудитории в академии. Рисунки, которые хранились в шкафу и которые я пересматривала, если случайно натыкалась. Я, конечно, все понимала, но меня смешил и азарт организаторов, и папина ажитация, с которой он воспринимал каждое их предложение.

Издали я видела, как в зале проверяли освещение, свет загорался и гас: сначала у входа, потом в сере дине зала и в конце. И я не выдержала, перешла через дорогу прямо там, где стояла. Стеклянные двери мягко разъехались, пропуская меня внутрь. Я задержалась на входе, рассматривая название, которое вблизи казалось еще более грандиозным и завораживающе маниакальным.

Сотрудники галереи сворачивали пленки, проверяли по каталогу рисунки и даты. Техники настраивали освещение. В середине длинного и узкого зала висела люстра, скрученная из гибких прозрачных трубок, похожая на осьминога. В трубках искрились мельчайшие лампочки, издали похожие на светящиеся золотые крупинки. По потолку тянулись те же трубки, поднимались

со стен и сплетались водорослями наверху. Каждый большой рисунок и несколько маленьких освещали лампы побольше, сияющие, словно светящееся золото. От контраста холодности рисунков и теплого золотого света ламп казалось, что картинки оживают и приближаются к зрителю, затемняются по краям. Я закрыла глаза и потрясла головой. Открыла – и оказалось, что эффект никуда не делся, искрящийся свет оживлял мои черно-белые фантазии.

Освещение взяла на себя компания папиного приятеля. Они занимались производством энергосберегающих ламп и, пока массовые продажи шли так себе, оформляли все, что им заказывали: выставки, свадьбы, шоу и частные выступления стендап-комиков. Приятель вызвался оформить зал бесплатно, надо было только возместить стоимость ламп.

– Извините, мы открываемся только вечером, – раздался голос позади.

Я обернулась. Ко мне приближалась одна из организаторов выставки, Лу. Под мышкой у нее был скомканный кусок клейкой ленты и рулон бумаги с пупырышками. Мешковатые джинсы, футболка с длинными рукавами, на голове – повязанный концами вверх платок. Подведенные черным глаза, красные губы. Девушка с пинап-плаката – можно так подумать, если не знать, что при оформлении всегда много пыли, поэтому футболка с длинными рукавами и платок.

– Ох, прости, Нина. Не узнала тебя. – Она протянула мне руку, и я неуверенно пожала ее в ответ – мои ладони вспотели от волнения. – Решила посмотреть до открытия? Скажу откровенно – правильно сделала. Вечером будет куча народу. И каждый сочтет своим долгом похвалить рисунки и сфотографироваться с тобой. Все уже почти готово, так что добро пожаловать на твою выставку. – Она сделала широкий приветственный жест, сверкнула улыбкой и ушла по делам, на ходу давая указания сотрудникам галереи.

Я вернулась в начало. Мои первые наброски, мне одиннадцать лет. Ничего особенного, но золотой свет обегал их, отгораживая и защищая. Драгоценная яйцеклетка, с которой все началось. Свет тянул за собой дальше, вырывал из белого пространства пейзажи Петербурга с людьми-чудовищами, людьми-плезиозаврами, их детей, камбалят и трилобитов. Туристические пароходики с закутанными в одеяла мозазаврами ехали по узкому каналу. Девочка на самокате торопилась уехать от деревьев, протягивающих к ней скрюченные узловатые лапы. За ними – временной излом, его создает свет в виде молнии. За

ним – стакан с пепси, пейзажи Нью-Йорка: Манхэттен, лужайка Центрального парка с цирковым шатром, усталый уличный мим прислонился к ограде – отдыхает. Очертания островов Нью-Йорка – какими они были до основания города: леса, пустоши, над ними парит в воздухе рогатый корабль. «Эра плезиозавров», «Эра Коломны», «Эра Нового Света и пластикового стакана» – так были подписаны периоды.

После Нью-Йорка золотые трубки завивались, как рисуют в учебниках по физике завихрения воздуха у самолета, и долетали до «Эры Сан-Франциско», которая разбивалась на «Эру Школы» и «Эру Колледжа». Эра Сан-Франциско занимала больше половины пространства. Рисунки здесь были уверенные. Море, холмы, цветы и пальмы. Сокурсники в колледже. Девушка на серфе, вид снизу, из-под толщи воды, название – «Глазами мозазавра».

Под названиями стояли даты римскими цифрами. Я рассматривала свои же картины будто впервые.

– Нина, хочешь выпить с нами шампанского? Закуски только что привезли. Отметим окончание нашей работы!

Я оглянулась – Лу кричала мне, высунувшись из незаметной двери у входа. В зале было пусто. Пока я рассматривала свои рисунки, техники отрегулировали освещение, сотрудники галереи сверили все рисунки с каталогом и собрали оставшийся мусор. Здесь успела побывать и уборка – незаметно для меня пол помыли, стало свежо, пол отражал золотые лампы в местах, где не высох.

– Нет-нет, спасибо. Мне вечером еще фотографироваться с кучей людей и принимать поздравления, – крикнула я в ответ.

Лу рассмеялась и исчезла в двери.

В дальнем конце зала картины, подвешенные к потолку за цепочки, описывали полукруг, не соприкасаясь со стенами, а светящиеся золотые трубки вились между ними. Казалось, они существуют сами по себе, растут из золотого осьминога посреди зала – не было видно ни стыков, ни креплений. Но, присмотревшись, я заметила тончайшие капроновые нити, на которых они держались. Все было сделано так, что ах. После полукруга начиналась «Новейшая Эра». Под каждым названием и датой стояли пометки, в каких

конкурсах участвовала работа и какой приз взяла.

Я постояла под люстрой-осьминогом, оглядывая зал, запоминая все так, как есть сейчас, – без людей, шампанского, фотографов. Сфотографировала на телефон зал, заблурнула так, чтобы было ничего не разобрать, но интрига сохранялась, и запостила в «Инсту» с пометкой «Сегодня в 7 р.т».

До открытия оставалось еще несколько часов, в которые я планировала сделать наброски для обложки альманаха параллельного курса по литературному мастерству, куда вошли несколько рассказов Стиви. Сборник издавался за счет спонсоров, и мне даже обещали заплатить.

Но, стоя под осьминогом, я поняла, что ничего не получится. Что я сейчас выйду из галереи и отправлюсь бродить по городу, пока не настанет пора возвращаться. Буду смотреть на людей, машины, собирать энергию, чтобы потом направить ее в нужное русло.

Выходя, я заглянула в кабинет оформителей. Лу и ее коллеги расселись на коробках и сваленных в беспорядке предметах. Они ели принесенные из дома сэндвичи, смотрели видео на телефоне и хохотали. Я не стала их отвлекать и направилась к выходу, но, когда двери разъехались, Лу заметила меня и крикнула:

– Удачного открытия!

Я обернулась – они салютовали мне сэндвичами и чашками. В ответ я подняла вверх большой палец и вышла на улицу.

Глава 4,

в которой открывается выставка

Я перешла на другую сторону улицы, пропуская машины, и снова стала смотреть на рисунки через окна. Золотой свет отключили, и зал вернулся в будничное, черно-белое состояние. Сновал уборщик, замелькали туда-сюда Лу и ее коллеги.

Техники вернулись с перерыва, поставили стремянку под осьминогом: один техник забрался на нее и проверял крепления, второй поддерживал лестницу. Тихая улица в центре: редкие машины не раздражали, пешеходов не было, раскидистые деревья бросали тень на тротуары. Мягкое солнце неназойливо грело голову и плечи. Все вокруг было совершенным, законченным, красивым – и деревья, и солнечный свет, и старое кирпичное здание галереи.

Над галереей сдавались в аренду студии художников, мастерские. Такие арендовались в складчину, на несколько человек, арендовать одному – слишком большая роскошь. Я знала это, потому что Стиви снимал похожую мастерскую вместе с двумя сокурсниками.

Я побрела к ним, надеясь, что Стиви у себя в мастерской и я пересажу у него несколько часов. По дороге передумывала несколько раз: разворачивалась, собираясь то прогуляться у пирсов, то сходить в колледж, то позавтракать, то пообедать, через минуту забывала об этом, но часа через два уже звонила в домофон. Дверь открыли не спрашивая.

В большой комнате с заляпанными краской стенами, разделенной ширмами на три зоны, у выхода из лифта два человека в сварочных масках придерживали свернутые вместе несколько листов железа, а третий человек, тоже в маске, сваривал листы. Я прошла мимо них и легла на диван в дальнем углу мастерской. С него из окна во всю стену открывался вид на залив и Алькатрас[4 - Остров-тюрьма для особо опасных преступников. С 1973 года работает как музей.] вдалеке. Сердце почему-то стучало, хотя все было хорошо и я должна была быть абсолютно спокойна.

– Волнуешься? – спросил, входя, Стиви.

– Что вы там варили?

– Помогали Чейзу. ДНК из железа для конкурса студенческих работ.

Треск сварочного аппарата заглушил мой смех.

Мы пили чай, молча смотрели на залив и на перекресток под нами.

- Не о чем волноваться. Все получилось потрясающе, - убеждала я сама себя.

- Ты уже видела? - удивился Стиви.

- Да, ходила только что. Они сотворили настоящее чудо.

- Но все равно волнуешься?

- Наверное. Не знаю. Странные ощущения.

- Хочешь поговорить об этом?

Я рассмеялась:

- Отстань, пожалуйста. Мне хватает моего психотерапевта.

Мы помолчали. Допив чай (органически выращенный и произведенный на ферме в Айове), Стиви принялся за работу. Он уже три месяца делал Гипсовую даму, ее пугающий силуэт иногда являлся мне во снах.

Я не могла усидеть на месте, попрощалась со Стивеном. Хотела без разговоров проскользнуть к выходу, но Чейз перехватил меня у лифта и минут десять рассказывал о своей ДНК. К счастью, в мастерскую пришла его девушка, и он переключился на нее.

- Официальное открытие - в 7 р.т. Сбор гостей - в 6.30 р.т, - громко напомнила я, закрывая дверь лифта.

- Sure, see you[5 - Конечно, увидимся (англ.)], - одновременно ответили все.

* * *

- Добро пожаловать! Вы есть в списках? - приветствовал меня охранник на входе. В костюме с галстуком-бабочкой, но на лбу написано: «Я вышибала, не шути со мной».

Я попыталась сообразить, есть ли у меня приглашение на собственную выставку. Пока думала, из галереи выскочила Лу. На ней был сногшибательный брючный костюм. Короткие белые волосы уложены на правую сторону. Днем в рабочей одежде она выглядела по-домашнему, сейчас – высокомерно.

– Нина, где ты была? Идем, тебя уже дожидаются репортеры.

Не обращая внимания на охранника, она схватила меня и потащила в зал. Репортеры обосновались сразу у входа. Первый снимал меня на фоне моих ранних рисунков. Несколько вопросов: откуда я беру идеи, что для меня главное в моей работе, какие планы на будущее? Второй журналист решил, что лучше развернуть меня и снять на фоне заполненного зала и люстры-осьминога вдалеке. Он задал те же вопросы, вручил свою визитку и исчез в толпе. Потом подошли девочки из газеты колледжа. Спросили о том же самом и сфотографировали меня на айфон.

Зал был заполнен – яблоку упасть негде. Половину людей я не знала. Интересно, они пришли из любопытства к моему художеству или потому, что команда галереи – профессионалы во всем, в том числе в приглашении гостей? Под люстрой стояли папа с мамой в окружении друзей. Я шла к ним, останавливаясь через каждый метр, чтобы ответить на приветствия и поздравления. Лу была права – хорошо, что я посмотрела выставку до открытия.

Родительский кружок приветствовал меня бурными аплодисментами и объятиями. Все по очереди бацали селфи со мной. Я делала большие глаза на камеру и показывала пальцами «V». Родители раскраснелись от гордости. Мама была, как всегда, безупречна. Папа за годы в Сан-Франциско подтянулся, похудел, но остался, по сути, прежним человеком-с-носом-картошкой. Он нелепо улыбался во весь рот. Надел коричневый костюм, который заметно жал ему в плечах. Пока я готовила рисунки к выставке, он договаривался с галеристами, техниками по свету, выбирал компанию для доставки еды. Наверняка пригласил через кого-то репортеров и устроил так, что на выставку пришло людей больше, чем было знакомых у меня в городе. Я надеялась, что купят хотя бы пару работ, – это значило бы, что папа не напрасно потратил время.

Я не успела сфотографироваться с ним и с мамой. Ко мне снова подходили знакомые, некоторые еще по Санкт-Петербургу, здоровались, поздравляли, фотографировались. Было много друзей родителей. В Сан-Франциско у них образовался огромный круг общения, где крутились все подряд – старые

знакомые из России, папины программисты, новые партнеры и подчиненные, мамыны микробиологи, врачи, ее новые студенты. К ним все тянулись, их любили. Они были smart Russian guys[6 - Сообразительные русские ребята (англ.).]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Заткнись, чувак (англ.).

2

Открытие сегодня: Эволюция Нины (англ.).

3

«Нинины монстры» (англ.).

4

Остров-тюрьма для особо опасных преступников. С 1973 года работает как музей.

5

Конечно, увидимся (англ.).

6

Сообразительные русские ребята (англ.).

Купить: https://tellnovel.com/ovchinnikova_evgeniya/obychnye-lyudi

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)